Виктор Шендерович
схевенинген

повести и рассказы

Виктор Анатольевич Шендерович
Схевенинген (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066475
Виктор Шендерович. Схевенинген: повести и рассказы: "Время"; Москва; 2009
ISBN 978-5-9691-1099-1

Аннотация

В книгу вошли новая повесть Виктора Шендеровича, а также повести и рассказы прошлых лет. Они наверняка удивят тех, кто знаком с именем автора только по его «телевизионной» биографии. Это – совсем другой Шендерович…

Содержание

Ожог в области солнечного сплетения 5
Схевенинген 8
Олег, Оля и Милька 8
Ингрид и Марко 18
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Виктор Шендерович
Схевенинген (сборник)

© Виктор Шендерович, 2009
© Валерий Калныньш, дизайн, 2009
© «Время», 2009

Ожог в области солнечного сплетения

Где-то в середине восьмидесятых моя приятельница, проходившая практику в журнале «Дружба народов», попросила меня почитать рукопись некоего молодого автора, который безуспешно пытается пробить броню московских редакций. Вот и в «Дружбу» его принесло, да, впрочем, так и отнесло… А жаль – «симпатичный мальчик из хорошей семьи». Я согласилась, по излишней своей мягкости, и в баре ЦДЛ мне была передана тощая папка. Прямо там, за столиком, я ее открыла, чтобы пробежать глазами первые два-три абзаца и закрыть тему – обычно так, по занятости, я решала вопрос со всеми симпатичными мальчиками и девочками. Я начала читать и… И застряла. Это был рассказ про то, как военнослужащие советской армии от скуки живьем сожгли крысу. Рассказ был замечательным, отстраненным, безнадежным, совершенно непроходным. Прочитав его, хотелось выть. Вообще, после прочтения оставался ожог где-то в области солнечного сплетения.

Я унесла папку домой. Перечитала «Крысу». Прочитала остальные несколько рассказов, повесть «Тайм-аут». У этого симпатичного мальчика из хорошей семьи было своеобразное, несоветское чувство юмора, того сорта, когда, отсмеяв-

шись, хочется повеситься. Эти рассказы будоражили совесть – тот странный орган, который никому из докторов еще не удалось пальпировать.

Мне все это было очень близко.

Так мы познакомились с Виктором Шендеровичем.

В то время он жил, по-видимому, очень стесненно, даже скудно. Помню, как в столовой издательства «Советский писатель» – а мы и туда забрели в моих безуспешных попытках пристроить эту рукопись – он взял один лишь компот за 4 копейки, и стакан на подносе в высокомерном одиночестве подплывал к кассе…

Не знаю, чем он тогда подрабатывал. Рассказы его опубликовать так и не удалось.

…Прошло двадцать лет, как пишут в романах. За это время много чего случилось – кончилась советская власть, я эмигрировала и живу в Иерусалиме, Шендерович стал знаменит, но вовсе не своей прозой.

Вроде пора уже издать эту книгу.

Перед тем, как написать эти несколько фраз, я перечитала рукопись. Ощущения, черт возьми, остались все теми же: настоящая проза, лаконичная исчерпывающая фраза, точные диалоги, юмор, почти незаметно вживленный в ткань, и в конце – отзвук глубокой печали. Что же это? Выходит, дело-то было вовсе не в советской идеологии, не в том, востребованы или не востребованы были ею эти рассказы и повести. А в том, что по-прежнему испытываешь бессилие

и страх перед тупой машиной государственного насилия, в том, что человек беспомощен и мал, в том, что он теплый, живой, боится боли и унижений и хочет счастья. А когда это счастье рядом, он не замечает его, не ценит, и лишь оглянувшись назад, слабо различает милые лица и пытается расслышать родные голоса…

Удивительно вот что: те поистине гомеопатические дозы смешного, которые допускает известный сатирик Шендерович на страницы своей прозы. По себе знаю – для этого требуется изрядное мужество. Это все равно, что знаменитому тенору взяться за исполнение баритональной партии. Трудно не потому, что не потянешь диапазона, а потому, что слушатели ждут от тебя присущих тебе фиоритур.

В этом смысле издание книги такой прозы – поступок.

Дина Рубина

Схевенинген

Петру Вайлю

Олег, Оля и Милька

– Боже мой! – сказала Оля и крепко сжала Милькину руку, и он споткнулся, пытаясь оглянуться на ходу. Но мамина ладонь мягкой шорой встала у его щеки, заслонив от ужаса, который обжег их секунду назад.

– Черт возьми, – пробормотал отец и все-таки обернулся.

Женщина бросалась к идущим вдоль моря, как только что бросилась к ним; она что-то спрашивала и отмеряла ладонью рост. Это был рост его сына, чуть-чуть повыше, и хотя Олег видел Мильку секунду назад, он инстинктивно глянул в его сторону снова.

Милька стоял рядом – в блещущем, словно постановочном, свете закатного солнца, бившем из-под декоративной тучки; стоял маленький, испуганный, живой. Все было в порядке, и только женщина в темном до колен платье выкрикивала имя своего сына, и бросалась к людям, идущим вдоль берега, и о чем-то умоляла их, отмеряя в воздухе рост мальчика, которого нигде не было.

Люди останавливались, рывками оглядывали пейзаж, рас-

терянно разводили руками, шли дальше; через несколько шагов снова останавливались, смотрели, качали головами… Но что можно было сделать?

Олег отвернулся.

– Пошли. – Он тихонько провел пальцем по лопатке жены. – Идем.

– Ужас, – сказала Оля через несколько секунд.

Они шли к молу, как шли полминуты назад, вдоль играющей на солнце кромки прибоя, но мир уже рухнул за их спинами и дышал теперь в затылки смертным холодом.

– Может, еще найдется, – сказал отец маме, и мальчик понял: это было сказано для него.

– Да, может быть, играет где-то с мальчишками, – сказала мама плоским голосом. Ее рука твердо лежала на плече, уводила прочь.

Над молом, то зависая, то ныряя и выходя из пике, с треском скакал воздушный змей; мальчишки чеканили мячик, и длинные тени нарезали пляж, на котором почти ничего не изменилось.

Освежив пропотевшее побережье, бриз обернулся бухающим о камни штормом, – с убегающей пенкой волны и киношным разлетом брызг в контражуре солнца; бриз выманил на променад обитателей курортного городка – сняв туфли и закатав брючины, они вышли пройтись перед ужином до мола и обратно, догоняя собственные косые тени… Теряя силу, вода омывала лодыжки и уходила в море, легким росчерком

меняя сюжеты на песке.

В одну секунду все это стало блестящей оберткой ужаса. Из воздуха разом выкачали счастье, которым только что был наполнен этот вечер, – и как глупо и странно было теперь идти к этому молу! Молча упереться в гору камней и побрести назад.

Беда легла на берег, и нельзя было сделать вид, что ее нет. Но отец попытался.

– Пойдем в «Пианину», – сказал он. – По соку, да?

«Пианиной» было маленькое кафе «Royal» на улочке за церковью; они ходили туда покупать улитки с изюмом и пить шоколад. Быстро отомкнув ларчик папиной шутки, Милька смеялся в первый раз до коликов, и потом всякий раз всхрюкивал, наслаждаясь фокуснической подменой предмета, дурацким женским родом папиной «пианины», окончательно превращавшим короля в толстую тетку. Но сейчас любимая шутка оцарапала душу – Милька в секунду разгадал папину хитрость.

Отец уже вышагивал прочь от моря. Сухой песок поскрипывал под ступнями, и тени уходили вбок, и две сливались в одну: мамы и сына.

– Я сейчас, – услышала Оля, и ладонь ощутила пустоту. И ее током, впрок, пронизал безумный страх оттого, что Милька сам решает теперь, когда выскользнуть из ее руки. И ничего нельзя было с этим сделать, только молиться.

Оля молилась несколько раз в жизни – своими словами

прося кого-то, чтобы все было хорошо. В адресата она не верила, но были минуты, когда ничего другого не оставалось.

Мальчик бежал обратно к морю, в котором, разгребая руками серые массы волн, тяжело ходила женщина. Она звала сына, но имя тонуло в гуле шторма. Толпа на берегу густела, и конная полиция уже спешивалась неподалеку.

Полицейские что-то кричали женщине в волнах, говорили в рацию, опрашивали зевак. Какой-то серфингист, в черной полуспущенной коже комбинезона, указывал свободной рукой в сторону мола. Женщина в набрякшей одежде вышла из волн и без сил опустилась на линии прибоя, и Олег обмер, потому что узнал ее.

Этим утром они переезжали в другую гостиницу. Милька, груженный своим рюкзачком, катил мяч по горбатой дорожке, идущей вдоль домов – и наткнулся-таки на людей. Женщина, ловко выставив руку, спружинила столкновение, и мячик покатился прочь.

– Сорри! – крикнул Олег и добавил по другому адресу. – Милька, получишь по шее!

Женщина улыбнулась, растянув кожу на скуластом лице, и показала большой палец: все в порядке. До смешного похожий на нее мальчишка – та же веснушчатая порода, длинная кость и скулы – метнулся вбок, догнал мяч и, ловко развернувшись, в одно касание отпасовал его Мильке, но круглый ударился в столбик ограды и поскакал вниз по улице.

Женщина крикнула что-то укоризненное своему сыну, и

теперь уже Олег симметричным движением показал большой палец – и они рассмеялись.

Сейчас, в набухшем водой платье, она сидела на линии прибоя и невидящим взглядом обводила стоящих вокруг. Олег еще раз обшарил пляж: глаза уже знали, кого искать. Но долговязого мальчишки нигде не было.

Оля вдруг повернулась и молча ткнулась лицом в мужнино плечо.

Милька тоже узнал ее и стоял, словно закаменев, – только его чувства разом впечатывали всё. Огненный порез заката под тучкой, резкий крик чайки, женщину на песке, сморщенный, полоскаемый прибоем подол ее платья, полицейского, буквы на шевроне, равнодушный взгляд коня, повернувшего голову к морю, бурчащий чужим языком звук рации. Новый крик чайки закольцевал растянувшееся мгновение.

– Идем, – услышал он над собою. – Мы не можем помочь, Милька. Не надо смотреть. Идем.

– Ничего они не вернут, – сказал Олег, вороша вилкой листья латука.

Они сидели в ресторане. Шторм утих почти мгновенно, и море мерно покачивалось теперь за широкой полосой пляжа. Свет еще разливался по побережью – ровный, прощальный свет.

– Ну и черт с ними, – сказала Оля. – Забыли.

– Ага, забыли… – Олег подцепил тушку креветки. – Пятьсот евро, и день отдыха насмарку!

– Я тебя научу. – Оля отпилила сантиметровый кусочек спаржи. – Берешь плохую мысль, запаковываешь и несешь на почту. И отсылаешь на кудыкину гору. А сам живешь себе.

– И не вспоминаю про пятьсот евро? Оля рассмеялась.

– Про пятьсот! – мрачно напомнил Олег и, растопытив пятерню, значительно повел бровями. Он валял дурака, но осадок от подпорченного отдыха прочно лежал на дне души.

Обещанный отель «три звезды» на берегу моря обернулся каморкой с подтекающим унитазом, стойким запахом хлорки и видом на задний двор другого отеля. Прозлившись целый день и дважды поссорившись, наутро они переехали в другую гостиницу, и теперь Олег больше всего злился на собственную скупость – не надо было заселяться в этот клоповник, не пропал бы день.

– За нас, жадных склеротиков! – Оля приподняла широкий бокал, в котором, как море, покачивалось красное вино, и наклонила его к мужу. Он тоже приподнял бокал и отглотнул немного. Вино было терпким и душистым и примиряло со всем, что есть.

– Ладно, – сказал он. – Иду на почту, отправляю посылку.

– Вот и отлично.

– Потом возвращаюсь в Москву, иду в агентство и душу эту гадину голыми руками.

– Ну все, хватит!

Мгновенно постарев, как всегда в минуты разлада, Оля отрешенно глядела теперь куда-то вбок. Опять он не уловил

перемены ветра в ее душе… Этот ветер менялся без объявления, и все метеослужбы мира не могли тут ничего предсказать.

– Хорошо, тогда убью вот этого, – Олег кивнул на скрипача. Наглец, обосновавшись между ресторанами, уже полчаса пилил мимо нот, брал измором и не щадил ни один народ – цыганочка, соле мио, розамунда.

Снять напряжение не удалось. Олег устало выдохнул, бумкнув губами, – и натолкнулся на глаза сына.

Милька сидел в отдалении, кутаясь в куртку. Отдернув взгляд, он принялся ковырять пальцем песчаный холмик перед собою. Олег окликнул его, но Милька словно не расслышал, а только еще тщательнее занялся холмиком.

– Ты не замерз, крыскин? – спросила мама. Милька молча помотал головой.

– Он у нас не из дерева, – заметил Олег после паузы, и Оля наконец повернула к нему печальные умные глаза.

– В кого бы это? – усмехнулась она.

Запах мяса ударил в ноздри за секунду до того, как у стола возник официант в фирменном черном фартуке и красной косынке.

– Отлично! – воскликнул Олег с преувеличенной радостью в голосе. – Милька, давай к нам!

Но Милька снова помотал головой.

Фигура того мальчишки стояла у него перед глазами: как он паснул мячик и как присел потом, смущенный срезкой,

скривив смешную рожицу. И как рассмеялся отец вместе с той женщиной.

А вечером отец уходил вдоль берега, как будто всё это его не касалось. Они с мамой шли чуть позади, и ее ладонь нежно обнимала стриженый затылок, словно желая окончательно удостовериться, что Милька тут и с ним ничего не случилось. Потом отец обернулся, и они начали обсуждать, идти ли в номер или сразу ужинать, и в какой ресторан, и папа сказал: давай ударим по мясу.

И вдруг обнял маму, и ее рука на плече мальчика обмякла. И уже родители шли вдвоем, а Милька брел сзади.

В ресторане родители сели так, чтобы Милька оказался спиной к молу, и его опять резануло, что это они специально. Мама спросила, какой салат он будет, и Милька сказал: мне все равно. Хорошо, сказала мама, возьмем один с креветками, один со спаржей, а там посмотрим, да?

Мне все равно, повторил Милька.

А когда папа опять заговорил про эти пятьсот евро, что-то непосильное сдавило Милькино горло. «Я поброжу, ладно?» – сказали его губы. «Только куртку надень».

Он выбрался из-за стола и побрел по песку. Ослепительная полоса солнца, покачиваясь на волнах, уходила к горизонту. Море, проглотившее мальчика, тоже делало вид, что ничего не случилось. Он исподволь оглянулся. Официант в красной косынке, чуть наклонившись, наливал вино в бокал. Отец сделал глоток и кивнул, довольный пробой… Жизнь,

как ни в чем не бывало, текла сквозь побережье под ровным светом уходящего солнца; музыкант, отчаянно фальшивя, пилил на скрипке, и смуглый маленький человечек с вязанкой коротких роз бродил вдоль столиков, беря кавалеров на слабо.

Потом подул ветер, принеся с собою запах какой-то травы; прибежал и ткнулся в Милькину шею влажным носом, и тут же отбежал на окрик хозяина игручий медношерстный сеттер. На сеттера Милька не обиделся – ведь тот ничего не знал про утонувшего мальчика.

Солнце уже погружалось в море, и Мильке вдруг стало страшно оттого, что сейчас совсем стемнеет – как будто, пока был свет, все еще могло закончиться хорошо.

Он знал, что когда-нибудь умрет, но это «когда-нибудь» не имело отношения к тому дню, в котором он просыпался. То, что это может произойти вот так, вдруг, поразило его. И еще поразило, что ничего в мире не изменится. Наяривал круги пестрый воздушный змей на леске, и сеттер носился по пляжу, и все смеялись. И, в сговоре со всеми, папа с мамой чокались бокалами с красным вином.

Милькино сердце отяжелело. Он решил, что не будет с ними ужинать, а когда спросят, почему, ответит: не хочу, и никто его не заставит. А потом ляжет в постель голодный и будет гордо молчать, глядя в потолок. И вдруг он увидел, что отец смотрит на него, и испуганно отдернул глаза и начал ковырять пальцем песчаный холмик.

– Милька! – услышал он, но сделал вид, что не услышал.

– Ты не замерз, крыскин? – ласково спросила мама. И Милька молча помотал головой, стараясь не заплакать. Черноволосый красавец-официант в красной косынке на плечах появился в проходе с дымящимися кусками мяса на доске и, ловко обогнув вошедшую пару, устремился к родителям.

Пара, чуть поколебавшись, выбрала столик; мужчина отодвинул ей кресло, она села – и вдруг он склонился над ней, и женщина запрокинула лицо навстречу его губам.

Ингрид и Марко

Она откликалась на него мгновенно и глубоко – в уличном муравейнике, в кафе, в лифте. Был ли в этот момент в лифте кто-нибудь еще, значения не имело. Он любил проверять свою власть над нею: в самый неподходящий момент мог провести пальцем по полоске плоского живота над джинсами, и готово дело – она закрывала глаза и вся подавалась к нему.

Он был крупный красивый хищник и уже давно мог позволить себе выбирать добычу, и делал это в охотку – это была вторая забава его жизни. Первой была живопись: Марко давно и удачно промышлял на этих просторах. Впрочем, удача – объяснение для простаков; Марко знал, что будет в цене завтра. В юности он рисовал сам, но вкуса оказалось больше, чем таланта, и в гору его повели работы приятеля. Редкий разгильдяй, тот малевал картинки для блошиного рынка – и Марко первый разглядел в них то, что потом стало «трендом».

Он любил приводить в трепет этими словечками местных студенток и досужих туристок – в галереях, насованных, как соты, в ульи старых амстердамских домов. Любил вылавливать у полотен, быстро обматывать легчайшей паутиной разговора и уволакивать в мастерскую, где, кроме подлинного Магритта и кучи забавного барахла, имелся старый ди-

ван, таивший в себе свойство проламываться посреди процесса, – что придавало штатному коитусу характер неповторимой страсти.

Именно этот вид коллекционирования стал для Марко канвой жизни. Он собирал девиц и дамочек; пару раз удавалось организовать в мастерскую групповые экскурсии; однажды Марко завалил на диван видную фрау из Европарламента и под ритмичный скрип старого станка с холодноватым интересом прислушивался к своим политическим ощущениям…

Ему, в сущности, давно было скучно, но привычка и весенний воздух Амстердама брали свое.

Шарфик на пиджак, по первому апрельскому солнышку, он вел отработанным маршрутом, в сторону Магритта и дивана, две ноги с попкой. К ним прилагался пухлый, громко смеявшийся ротик. Ротик потребовал немедленного мохито, и они зашли в бар на Кайзерграхт, и Марко взял ей мохито и обреченно сел рядом.

Ротик пил и без умолку щебетал, – и Марко вдруг ясно почувствовал, что ничего этого не хочет. Ни ножек, ни попки, ни тем более ротика с щебетом.

А хочет, чтобы эта дура исчезла вместе со своим зеленым пойлом, а с ним за столиком – не этим, выбранным подальше от глаз в барном чреве, а снаружи, над лодкой возле моста, – сидела женщина, которую он любит. И чтобы она смотрела на канал, и блики играли на прекрасном лице, а он смотрел

на нее. И чтобы они молчали и было хорошо.

Он даже увидел это в виде холста – канал, велосипеды, прицепленные к ограде, двое за столиком, блики на ее лице. Пожалуй, это мог быть неизвестный Сислей.

Но Марко никого не любил, и его тоже – никто. С тех пор, как адвокаты вытащили его, немного контуженного, из-под развалин первого брака, он не позволял никому близко подходить к той черте, за которой женщина вправе требовать чего-либо, кроме презерватива до и душа после. Ни одна из многочисленных любительниц прекрасного не переступила порог его квартиры. Статус отношений он не подчеркивал, но содержал в строгости. Диван в мастерской – и достаточно.

– Слушай, – сказал он. – Ты допила?

– Невтерпеж, да? – сказал ротик и громко рассмеялся. Его губы сложились, чтобы сказать «пошла вон», но он успел отредактировать текст.

– Что-о?

– Пошла вон, – все-таки сказал он.

– Дурак, – сказала хозяйка попки. И всосав с донышка остаток мохито, с грохотом встала. – Дурак! – объявила она на весь бар. И вышла.

Марко аккуратно допил свой эспрессо, невозмутимо рассмотрел рисунок на чашечке и уместил ее точно во впадинке блюдца. Затем протер салфеткой кофейный след и положил салфетку в пепельницу. И лишь тогда поднял глаза.

На него уже не смотрели. В баре ничего не изменилось –

лишь детина у двери оставил в покое игральный автомат и вышел поглядеть вслед ногам с попкой. И только официантка за стойкой смотрела на Марко во все свои серые глаза.

Пойманная с поличным, девушка не отдернула этих теплых глаз, а улыбнулась и развела руками, извиняясь то ли за собственный внимательный взгляд, то ли, от имени всех баб, за эту дуру.

И он усмехнулся и тоже развел руками: мол, бывает.

И тут уже она отвела глаза – и с той же тщательностью, с какой он оттирал кофейное пятно, начала драить пивной кран. А он все смотрел на нее. Потом оставил на столике деньги и вышел – и, выходя, обернулся. Снова пойманная с поличным, официантка рассмеялась и качнула головой.

Марко махнул ей рукой и завернул за угол.

Он прошелся вдоль каналов, радуясь свободе. В мастерской с наслаждением рухнул в продавленное кресло и несколько минут сидел так, осматривая новыми глазами свой сексуальный бункер. Он давно не был тут один – и вдруг рассмеялся, сообразив это. Если перевесить доски с офортами на потолок, подумал Марко, то днем можно будет рассматривать серию прямо из кресла, закинув голову. Свет падает правильно.

Он закинул голову и пару минут рассматривал потолок. Обнаружил трещинку в углу. Встал и трещинку рассмотрел. Зашел на кухню, взял с блюдца крекер, сжевал его, запил водой из чайника. Потом постоял немного, вышел из мастер-

ской и пошел обратно в тот бар.

Она сразу увидела его и замерла с пустой чашкой в руке, и кипяток несколько секунд бился из аппарата в поддон. Мимо того же кретина у автомата Марко прошел к стойке и, чувствуя лопатками его взгляд, сел и попросил кофе.

– Эспрессо? – спросила она.

– Все равно, – ответил он, и официантка залилась краской и отвернулась.

Тонкий профиль, нежная склоненная шея под мальчиковой стрижкой. Марко опустил голову, чтобы сглотнуть волнение незаметно. Посмотрел на ее пальцы, увидел обручальное кольцо. Девушка поставила кофе и быстро глянула на него внимательными глазами, и Марко подумал: нет, не показалось.

– Дурак вернулся, – сказал он заготовленную фразу.

Она рассмеялась легким смехом и закрыла лицо руками.

Когда потом они бережно перебирали по секундочкам тот день, Ингрид говорила: именно тогда она поняла, что пропала. Или – нашлась.

В глазах у этого человека стояла печаль. Большой, уверенный в себе самец, он прокладывал дорогу к ее нутру совершенно неотвратимо, но не было в нем мужского деревянного хамства, от которого Ингрид переставала быть женщиной.

Она перестала ею быть в замужестве. После нескольких сеансов утомительной физкультуры супруг с полным знанием предмета сообщил Ингрид, что она совершенно фригид-

на, и дальнейшая семейная жизнь с его стороны проходила под знаком досады. Восемь лет Ингрид чувствовала себя бракованным товаром, который подсунули порядочному человеку и не возвращают в магазин только из-за просроченной гарантии.

В дни, когда на людях они изображали счастливую пару, она уставала так, что валилась в постель почти без сознания. А Йохан был неизменно вежлив и аккуратен, и продолжал всюду водить ее с собой, по-хозяйски приобнимая и поглаживая, и добавлял деньги из своей зарплаты, и эта точность подчеркивала его незыблемую порядочность. А когда он возвращался домой поздно, то сам выглядел хмурым и обиженным – приличный человек, вынужденный изменять жене, чтобы отдать долг физиологии. Не ангел же бесплотный! Он закаменел в своей страдающей добродетели, а она лишь молила бога, чтобы ее дефект не был виден всему миру.

Иногда она подходила к зеркалу и пыталась договориться с собой. В конце концов, живут же люди без музыкального слуха или без ноги. Ну, вот так получилось – не чувствует. Ей было уже двадцать девять, и она знала, что это с ней насовсем. Знала до той минуты, когда этот мужчина – крупный, чуть тяжеловатый, с первым проблеском седины на висках – вернулся, сел за стойку и посмотрел на нее своими темными глазами.

Он не повел ее в мастерскую.

Боясь спугнуть – не ее, а вот это легкое полузабытое волнение, он пригласил Ингрид встретиться. Даже замужняя женщина имеет право поужинать, сказал он. И она ответила после легкой паузы: имеет.

– Когда? – спросил он, и она ответила «не знаю». Она боялась, что он скажет «сегодня». Ингрид знала, что мужчины устроены иначе, и глупо было бы возмущаться по этому поводу, но так не хотелось ей оказываться в одном дне с гладкой кобылкой, дующей мохито.

– Тогда завтра, – сказал он.

– Завтра я заканчиваю поздно, – сказала она. – А в четверг свободна.

– Это хорошо, – улыбнулся он. И она снова почувствовала, что неудержимо краснеет – от того, как легко вскрыл он потайной ящичек в слове «свободна».

Она с первой секунды чувствовала его власть над собой. Он куда-то вел, и ей не нужно было знать маршрута. Рыжий Михель с кухни с интересом поглядывал за происходящим у стойки, и она сама увидела все это со стороны, и удивилась не меньше Михеля.

А наутро был странный день.

Мужчина не приходил – он и не должен был приходить, они договорились на четверг! – но она все время поглядывала на дверь. Ей казалось, что все видят ее насквозь. Вчерашнее вдруг предстало перед глазами Ингрид злой шуткой,

и она похолодела. Ну конечно! – самолюбивый плейбой решил отыграться. Склеить свидетельницу поражения и тем отомстить женскому роду. И не было в этих глазах никакой печали, ничего не было, что она себе выдумала.

Раствориться самой и растворить в себе другого – это ведь женское описание любви. У мужчин все то же самое называется «трахнуть».

Марко не приходил. Ну да, зачем я ему без секса? – злилась Ингрид. Я у него назначена на завтра, а на сегодня найдется другая. У такого самца. Она вспомнила девицу с мохито и чуть не заплакала.

И тут он зашел и сел за столик чуть поодаль.

У Марко тоже был странный день. Он проснулся с ощущением, что предстоит что-то приятное. Пойдя по следу вчерашнего дня, быстро нащупал бар, мальчиковую стрижку над наклоненной шеей, теплые глаза из-под челки и свое волнение. Вспомнил имя. Да, завтра! Что именно «завтра», Марко не додумал, но это был сюжет, и это было главное. У ближайших дней появлялась перспектива – имело смысл вставать, раздергивать шторы, принимать душ…

Он хотел ее и знал, что добьется – уже добился, в сущности. Предстоящие кошки-мышки были приятной игрой, и самое приятное в этой игре заключалось в том, что девушка его волновала.

Он вынес на крыльцо красный раскладной стул и сел вполоборота к каналу – с лэптопом и чашкой чая с тостом, сам се-

бе официант. Пару часов старательно придумывал себе дела: писал мейлы, приводил в порядок картотеку… Потом пошел размять ноги, и ноги повели его к тому бару.

Марко рассмеялся, обнаружив себя уже на подходе: это становилось интересным.

Она была взволнована каким-то другим, тяжелым волнением. Увидела – подалась к нему глазами – и тут же их отвела. Рыжий парень, подошедший взять заказ, был, кажется, в теме, изучал его в открытую; впрочем, вполне дружелюбно. Марко взял темного пива с какой-то ерундой на закуску.

Ингрид не смотрела в его сторону, и следа вчерашней легкости не было в ней. Марко чертыхнулся про себя – зачем пришел? Договорились и договорились, позвонил бы завтра! Но возможности отмотать пленку назад не было и, достав мобильный, он исподволь кликнул ее номер, вбитый под именем «Ингрид – бар».

С тех пор как в мобильнике завелись женские имена, не вызывавшие никаких ассоциаций, Марко начал завязывать себе узелки на память: «Эрика-выставка», «Елена-Роттердам»… Голова старела быстрее остального организма. Прогуливаясь недавно по каналам, он остановился и стоял как вкопанный минуты две, ибо вдруг ясно вспомнил, что лет двадцать назад в этом самом дворе, у водосточной трубы, уестествил какую-то фройлен.

Марко безошибочно узнал это место, вспомнил двор, угол и водосток – вспомнил все, кроме фройлен, от которой не

осталось ни имени, ни лица, ни ощущений. Надо начинать пить что-нибудь, кроме виски и «Хейнекена», хмыкнул он тогда…

Ингрид взяла трубку и замерла, глядя в экран мобильника. Потом подняла глаза на Марко – и рассмеялась наконец вчерашним смехом, легко и счастливо. И сказала «алло».

– Ну, слава богу, – сказал он в трубку, глядя в серые лучистые глаза над барной стойкой. – Добрый день.

– Добрый, – сказала трубка и ее губы.

Назавтра они отправились в городок в получасе езды от Амстердама – Марко давно держал его в запасе на такой романтический случай.

Она ехала как в невесомости. Утром муж объявил, что они идут к его тетке: у той вышла новая книжка, с презентацией чуть ли не в мэрии. Старая грымза, как заводная, выпускала брошюры, посвященные рецептам семейной гармонии: гранты делали тему неиссякаемой.

Услышав про вечернее мероприятие, Ингрид ничего не ответила, да ее ни о чем и не спрашивали. Несколько минут она формулировала, механически переставляя посуду из сушки на кухонную полку, потом сформулировала и, зайдя к мужу в кабинет, сказала, что не пойдет. А на ожидаемое «почему» ответила:

– У меня другие планы.

– Нельзя ли поинтересоваться, что за планы? – подняв голову от компьютера, с безукоризненной иронией в голосе

произнес Йохан.

И она ответила:

– Меня пригласили на ужин.

И, дав сказанному осесть, вышла.

Самая большая хитрость заключается иногда в умении вовремя сказать правду. Муж так и остался сидеть у компьютера, и в некотором смысле завис сам – из кабинета не раздавалось ни звука. Потом она услышала, как он вышел в коридор, но к ней не вошел и, постояв, вернулся к себе.

И вот она ехала куда-то с человеком, которого не знала еще позавчера. Ехала – и боялась ему разонравиться.

– Куда мы едем?

– Только чур не трусить, – ответил Марко.

– Я не трушу, – сказала Ингрид.

– Ну и зря. – Красиво очерченные губы вытянулись в трубочку, предвкушение улыбки. – Может, я маньяк.

– Я видела, – ответила она.

– А-а, – сказал он. – Ну, ей повезло, она успела уйти. – И, помолчав, добавил: – А вы попались.

– Ну вы нахал, – сказала она.

– Извините. – Марко коротко глянул вбок и улыбнулся уже по-настоящему. – Глупая шутка.

«Красивый, – подумала она, – красивый и знает это. Что я делаю?»

– Мы едем в Моникендам, – продолжал он. – Это недалеко. Там а) тихо, б) кормят отличным угрем. Вы как насчет

угря?

– Хорошо.

– И я хорошо.

В машине снова повисло молчание. Но о чем бы они ни говорили и ни молчали теперь, все было о них самих, и оба это понимали.

Ингрид исподволь разглядывала его руку на коробке передач. Сильная кисть, поросшая волосами. Она вдруг представила, как эта рука ложится на ее бедро, и еле задавила в горле стон, и с ужасом, счастьем и стыдом почувствовала, что вся промокла. И отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лица.

Перевела дыхание, и только тогда услышала повисшую тишину.

– Что? Вы что-то спросили? – спросила Ингрид, чтобы незаметнее выйти из этого сладкого морока.

– Нет, – ответил он и улыбнулся, не поворачивая лица от дороги.

И она опять смутилась, подумав, что он догадался о причине паузы. Но он не догадался, а улыбался просто от удовольствия. Он давно не играл в эту игру и сто лет не ощущал себя частью сюжета.

В городке и впрямь было пусто. Время застыло тут, заветренное гулом моря и разрезаемое мерными ударами колокола. Если бы не спутниковые тарелки на домах и не витрины с предложениями недвижимости, век был бы неотличим от

любого из прошедших. Неподвижный строительный монстр над верфью, с чайкой на стреле крана, смотрелся декорацией.

Если Моникендам и заметил уход войск герцога Альбы, то почти ничем этого не выдал.

В полупустом кафе пережидал жизнь пьяница – пожелтевшие волосы, энная кружка пива, спаниель у ног. Не поднимая морды с пола, одним движением брови друг человека проводил вошедших печальным взглядом. Больше никому не было до них дела: пара стариков, он и она, неотрывно смотрели на море, как будто ждали какой-то вести с линии горизонта.

Чуткая официантка предложила Ингрид и Марко столик в углу террасы.

Они что-то выбрали и остались вдвоем, и она почувствовала, что счет пошел на минуты. Разговор скользил, не имея настоящей опоры. Они были одни, и мужчина, с которым она приехала сюда, смотрел ей прямо в глаза. Иногда она отворачивалась, и тогда – она чувствовала это – он ощупывал взглядом ее грудь под пуловером и шею. От его взгляда твердели соски, и она долго не поворачивала голову.

Официантка принесла салаты и снова удалилась, и Ингрид уже молила бога, чтобы этот человек поскорее поцеловал ее, чтобы ей не пришлось делать это самой.

Все случилось само и очень просто. Он отошел в туалет, она встала, чтобы перевести дух – вышла к причалу, смотре-

ла на яхты, на море в просвете мачтовой рощицы и думала о нем… И обернулась, когда он уже подходил к ней. Официантка старалась зря: целоваться эти двое начали прилюдно.

Они летели в этот обрыв давно. Марко немного притормаживал из драматургического интереса, но, идя к столику, уже знал: сейчас. Возвращение в реальность оказалось, однако, совершенно непредвиденным: Ингрид разрыдалась и с минуту дрожала, вжавшись в него и наугад целуя в шею и подбродок.

Даже старик на террасе оторвался от линии горизонта.

– Тщ-щ… – как ребенку, испуганно шептал Марко, гладя по стриженому темечку и спине. – Тщ-щ. Все хорошо. Все хорошо.

И она часто закивала, не отрывая лица от его груди.

– У тебя все в порядке? – спросил муж. Спросил не сразу – дал себе время ее рассмотреть. Было около часа ночи. Спросил без выражения – ни заботы, ни презрения не было слышно в ровном голосе. Просто вопрос.

– Все хорошо, – так же без выражения ответила она. Внутри еще было тепло от него.

– Ну, я рад…

Это сказать без выражения не получилось, и муж, мгновенье помедлив, вернулся в кабинет. Краешком своего существа – тем краешком, который не был заполнен случившимся – она пожалела Йохана. За холодной иронией съежилась

растерянность.

Несколько дней Ингрид ждала развязки – ждала, что муж накричит, может быть, даже ударит, как ударил ее однажды в постели, устав колотиться в дверь, ключом от которой поленился обзавестись. Она почти хотела скандала. А он просто вывел ее за скобки, исключил из числа живущих.

Доброе утро. Вернусь к ужину. Большое спасибо. Спокойной ночи.

Она не искала случая поговорить, но готовила человеческие слова для того дня, когда он сам решится заговорить по-человечески. Она заранее мучалась поворотами этого разговора, но муж развязал узел по-другому.

В начале месяца выяснилось, что денег ей на счет не переведено. Она подождала еще несколько дней, а потом, затаив дыхание, позвонила в банк. Она боялась, что денежная заминка окажется недоразумением, но ей ответили именно то, на что она надеялась.

«Спасибо!» – радостно крикнула Ингрид, приведя в полное замешательство операционистку. За двадцать лет работы в банке та впервые услышала радость в голосе человека, узнавшего, что денег нет и не предвидится.

Как славно! Не надо мучаться, объясняться, искать слова. Ее просто сняли с дотации – нео чем и разговаривать. Ингрид шла по улице и нараспев повторяла слово «свобода». Все, что измеряется деньгами, – недорогая цена.

С Марко она встречалась теперь почти каждый день. При-

косновения его рук делали ее безумной. Она действительно теряла сознание, и уже ждала этого провала, но всякий раз он наступал нежданно. Вот щелчок дверного замка, вот властная ладонь на плече, вот он рывком притягивает ее к себе, вот губы, вот четвероногим пауком, на ходу выдираясь из ремней и застежек, они добираются до постели, вот он грубо разворачивает ее, и его рука проходится по трепещущей спине, а потом – как будто тупой удар чем-то мягким по темечку, полный провал – и вот они уже лежат рядом, и ее тело вздрагивает дальним эхом его ударов. И только отзвук последнего крика еще гуляет по стенам.

А сколько времени прошло и что было в промежутке – хоть у него спрашивай! Он-то сознания не терял, занимался ею хищно и умело, и его тяжелое дыхание ей в загривок – потом, когда все кончалось – было для нее небесной музыкой.

Кончалось, впрочем, ненадолго, а потом стены его спальни опять улетали прочь.

Она начинала скучать по нему сразу. Марко высаживал ее за квартал до дома, у магазина ламп, и еще не успевал вернуться к себе, а телефон уже разрывался эсэмэсками. Она писала подробные бесстыжие нежности, и Марко чувствовал себя смущенным. Сюжет разворачивался в какую-то непредусмотренную сторону.

Для него все это было радостным приключением – не дежурным сексом, который он много лет практиковал как разновидность фитнеса, но все-таки именно приключением, сю-

жетом, игрой. Волнение, которое он испытывал, означало лишь то, что он жив и еще не стар, и сладкое потемнение ее глаз подстегивало в постели. Она была умницей, в ней жили такт и чувство юмора, с ней можно было молчать и не хотелось убить на второй минуте разговора. В ней была тонна нежности, и когда в кафе она брала в горсть и украдкой целовала его руки, и говорила: не отдам, – он отвечал ей весело-снисходительно: держись, девочка, держись крепче…

Но втайне удивлялся, конечно. Это было так непохоже на все, что Марко знал о женщинах и думал о себе… А о себе он думал, что он порядочный козел – и чего только не делали с ним женщины, но рук еще не целовал никто.

Ингрид вытеснила из его жизни дамочек и шлюшек, но ему и в голову не приходило поинтересоваться ее жизнью. Освеженный сеансом нежности, он переключался на другие сюжеты – выставки, торги, теннис. Мало ли интересного в жизни? А она, как наркоманка, подсела на его пальцы, на его запах, и начинала умолять о новой дозе через час после расставания.

И они встречались назавтра или через день – и из кафе снова ехали к нему, но он никогда не предлагал ей остаться. Чашка кофе – и доброжелательная, но вполне прозрачная пауза.

И она понимала: пора. Они спускались в гараж, и он отвозил ее на проклятый угол с лампами, и она выходила из машины. Это были ужасные минуты – когда он вез ее назад, уже

не разговаривая, а едва поддерживая разговор; когда притормаживал на пристрелянном месте и прикладывался губами к щеке; когда уезжал, а она должна была идти в мертвое жилище к чужому мужчине.

В эти минуты Ингрид не понимала, кто она.

Май уже прогрел полукружья каналов, и открыла летний сезон одинокая женщина, сидевшая по целым дням с книжкой на подоконнике – в распахнутом окне на втором этаже, в доме напротив. Марко выносил на крыльцо красный складной стул, и они обменивались приветственными взмахами рук. Минуло полтора месяца с той поездки с Ингрид в Моникендам, когда он, уже успевший привыкнуть к ее затопляющей нежности, начал обнаруживать перемену погоды.

Она перестала писать нежные эсэмэски, похожие на повести, и хотя раньше они смущали его и даже раздражали, их исчезновение зацепило самолюбие… При встречах Ингрид курила, глядя куда-то вбок, а то вдруг жадно и пристально заглядывала ему в глаза, словно пытаясь там что-то рассмотреть.

– Что случилось? – спросил он однажды. И она покачала головой:

– Ничего.

– Муж? – глупо спросил он.

– Не муж, – ответила она.

С Йоханом все давно обрело каменную ясность. Когда их траектории в квартире пересекались, они проходили друг

мимо друга парой призраков. Несколько раз Ингрид показалось, что в воздухе сгущается электричество, зреет разговор. – но история с банком, кажется, отрезала все пути для него самого.

Развод Йохан не предлагал – он всегда умел избежать лишних хлопот. Марко их тоже не хотел, и Ингрид ехала к нему, не понимая: кто она? Но его руки по-прежнему делали ее женщиной – она умирала и воскресала в его постели, и ей было страшно подумать, что это может исчезнуть из ее жизни.

Так прошли май и июнь, а потом что-то сломалось. Не сразу, а – вот как дает знать о себе лишний звук в машине – задолго до того, как полетит карбюратор.

Марко был в отличном настроении в тот день. Чутье и удача не покидали его, дела шли в гору. Никому не известный югослав, чьи картинки он скупал когда-то чуть ли не на вес и подсадил на контракт, стал полноценным «селебрити»; его имя гремело, и картинки шли теперь очень хорошо.

Марко как раз прикидывал, сколько принесет выставка этого Пешича, когда пришла ее эсэмэска. «Прости, я не приду».

Несколько секунд он смотрел в телефон, пытаясь понять размеры этого «не приду». Потом набрал номер. Номер был отключен.

Весь день он звонил, отвлекался на всякую всячину и сно-

ва набирал номер… Утром проснулся в тревожном раздражении и первым делом нашарил трубку. Номер был мертв.

Два дня он провел в общении с механическим голосом – с неизменной вежливостью тот сообщал о временной недоступности абонента. Марко поглядывал на телефон и все время проверял, включен ли звук. Как идиот, среди бела дня дважды объехал вокруг ее квартала, постоял у места постоянной высадки, вволю налюбовавшись ассортиментом ламп и светильников.

Он даже не знал, где она живет.

Марко вспоминал последнюю встречу, медленно перебирая четки того дня: где-то там было спрятано объяснение произошедшего, но он его не находил. Все было как обычно: сидели в кафе, делили пополам овощи-гриль – она любила цукини и всегда смешно-деловито выцепливала их с блюда; потом поехали к нему, и в постели все было хорошо, а потом. Да, что-то саднило в этом месте, но он не мог вспомнить, что именно, только почувствовал вдруг, как чувствуют болячку.

Он отзвонил приятелю и отменил теннис: ни к селу ни к городу был этот теннис сегодня.

В баре ее не было. Рыжий парень-официант замер посреди зала. Марко спросил про Ингрид. Она уволилась, сказал паренек, позавчера. И посмотрел ему в глаза, пожалуй, внимательнее, чем имел право. Спасибо, бесстрастно ответил Марко.

Он хотел спросить еще что-то, но не спросил, а только

несколько минут сидел, пристукивая по стойке спичечным коробком. Стук-стук-шлеп, стук-стук-шлеп. Потом расплатился и вышел мимо игрального автомата. Внутри скреблась тоска, которой он не знал прежде.

Марко вдруг представил, что сейчас придет в мастерскую, посидит немного в кресле, разглядывая потолок с трещинкой, а потом вернется в бар, и она снова будет там, за стойкой. Представил, как она смутится при его появлении – наклон тонкой шеи, взгляд из-под челки… Как он скажет «дурак вернулся», и она рассмеется, и все будет хорошо. Он вдруг захотел ее – как-то совсем по-другому, глубоко, насовсем. Ее – и никого другого.

Марко стоял на мосту, продолжая вертеть в пальцах спичечный коробок, унесенный из бара. Прямо под ним прошел катер с туристами, механический гид что-то рассказывал по-английски… Лица под стеклянной крышей сменились затылками, вода, разойдясь привычным клином, прошлась по стенкам канала.

Марко аккуратно уместил коробок на перильцах ограды. Идти было некуда. То есть он был волен идти на все четыре стороны, но это и означало: некуда. Ничего делать он не мог, и отвлечься тоже не получалось. Мучаться – оказалось не состоянием, а занятием.

Чем ты занят? – Я мучаюсь.

Марко думал про Ингрид, в первый раз – именно про нее. Два месяца она занимала его сознание как приятный по-

ворот сюжета. Волновала, возбуждала. Ему нравилось ощущать власть своих глаз и рук; он обожал брать ее, извлекая какие-то звериные звуки из этого маленького голодного существа; он любил в постели умело и осторожно вести ее, испуганную, по новым тропинкам – эти пейзажи он понимал еще лучше живописи.

Но снаружи от собственных ощущений Ингрид для него не существовало. Какой-то недоделанный муж, какие-то курсы, какая-то мама в Гааге. Или в Гронингеме? Какая разница? Не стоит умножать сущности сверх необходимого. Ему давно понравилась эта фраза и, не имевший толкового образования, он запомнил ее и любил щегольнуть при случае. Да-да, «бритва Оккама», не стоит умножать сущности! А сущностью был он сам, сорокалетний состоятельный красавец, мечта всех баб.

И вдруг – эта эсэмэска, и глухо отключенный телефон, и эта поникшая спина, и взгляд в щелку двери… Вот оно! Он замер: четки того дня застыли на верной костяшке.

Ингрид шла в ванную, держа в руках одежду, – и вдруг остановилась перед холстом в гостиной.

– Как здорово! – выдохнула она. – Смотрю каждый раз. Как хорошо! Кто это?

И он ответил: Ходлер.

– Вот, – вдруг огорчилась Ингрид. – А я даже имени не знаю. Расскажешь?

– Про Ходлера?

– Да.

– Что рассказывать? – Он сидел голый на кровати, ища носок. – Ну художник такой.

Марко едва сдерживал раздражение. Они провели в постели больше времени, чем он рассчитывал – она требовала новой нежности, и он повелся за ее ласками, а теперь сидел опустошенный, и в мобильном светился непринятый звонок – судя по номеру, из Парижа, и он вдруг вспомнил, что еще утром должен был отправить бумаги насчет выставки Пешича, и не отправил, и все это надо было теперь успеть до конца рабочего дня – отзванивать, проверять договор, отправлять факс.

И как назло, куда-то запропастился носок, а она стояла голая посреди гостиной и просила рассказать про Ходлера. Как можно рассказать про Ходлера? С какого места?

– Солнышко, – сказал он, – прости, у меня дела. Иди, иди.

И махнул рукой в сторону ванной комнаты. И она пошла в ванную. Сейчас, стоя у играющего бликами канала, Марко вдруг ясно увидел эту секунду: светлую гостиную с диагональю солнца по паркету, свой жест и ее, съежившуюся, как от удара. И короткий взгляд, когда закрывала дверь.

Она вышла уже одетой и сказала:

– Я могу добраться сама.

– Ну что ты, – сказал Марко. Он уже успел вернуть звонок и копался с факсом – полуголый и без одного носка.

Он, конечно, отвез ее до привычного угла, к лампам. Она

всю дорогу молчала, а он уже думал о своем. И, кажется, ничего не сказал ей на прощанье.

Марко со свистом втянул в себя воздух и поморщился, как от зубной боли. Шумно выдохнув, схватил коробок и с силой запустил им в канал.

Чувство вины поселилось в нем – он изучал его, как баран новые ворота. Он брел вдоль каналов, садился в кафешках и пытался начать думать; но думать не получалось, и он снова брел куда глаза глядят…

Мама в Гааге. Или не в Гааге? Черт возьми, он даже не знает ее фамилии!

…Мужчина, стоявший на мосту, вдруг выругался, и пожилая дама, проезжавшая мимо на велосипеде, от неожиданности вильнула колесом. С трудом выровняв велосипед, она поехала дальше, а мужчина негромко, но уверенно сообщил своему отражению в канале: – Идиот.

Уже третий день Ингрид жила так: на ночь выпивала вина и высыпалась до отвала, а утром садилась на трамвай и ехала к морю. Мама ни о чем не спрашивала, и они, не сговариваясь, играли в игру под названием «машина времени». Как будто обеим сейчас на пятнадцать лет меньше и у Ингрид нет еще никакого мужа, а есть школьные каникулы и любимые клубничные мюсли на завтрак.

И море, не знающее возраста, в нескольких трамвайных остановках.

По побережью время прошлось заметнее, чем по маминой квартирке: везде понастроили апартаменты, и плоские коробки домов нависли над пляжем. Продолжая игру в машину времени, Ингрид выходила из трамвая возле старого Гранд-отеля и сразу шла насквозь, к морю, оставляя за спиной все, с чем была несогласна.

Если бы всегда можно было оставлять это за спиной…

Она научилась жить в доме мужа, не выходя из скафандра, – но второго скафандра у нее не было. Too much, вспомнилось вдруг из школьного английского, too much… Чересчур. Она запрещала себе вспоминать тот последний день с Марко, но скоро поняла: этот призрак будет входить, когда захочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.